

От аналитики Хайдеггера к психоанализу Фрейда:
место *das Man* в истерической структуре

Д.А. Ольшанский

*Группа Лакановского Психоанализа (Санкт-Петербург)
198261 г. Санкт-Петербург, а/я 16*

Случай Доры впервые открывает феномен переноса в клинической практике Фрейда. Хотя этот анализ не был успешным, он позволяет Фрейду (1) концептуализировать перенос как фундаментальный механизм психоаналитической техники, (2) обнаружить симптом как результат отношения с другим, т.е. социальный феномен, и (3) осознать психоанализ как социальный анализ.

У нас нет ничего более интимного, чем внешний мир.

Gerard Wajcman "The Birth of the Intimate"

«Фрагмент анализа одного случая истерии» (1905) является не только первым из пяти основных случаев, но и первым неудавшимся анализом, описанным Фрейдом. Именно работа над ним подводит его к проблеме переноса как к тому «неустранимому препятствию», о котором анализ и разбивается, феномену переноса, который делает психоанализ невозможным. Случай Доры показывает значимость переноса в технике психоанализа, а равно и свидетельствует о том, что вообще любое знание возникает в переносе, то есть имеет социальную природу.

Лакан полагает, что перенос в анализе — один на двоих, и именно течение случая Доры доказывает это наилучшим образом, поскольку остановка в работе была вызвана именно той долей, которую разделил Фрейд в переносе, той сценой, в которой он сам оказался задействован. Хотя Фрейд и замечает, что «перенос застал его врасплох»¹, это не совсем так: как отмечает Лакан в семинаре «Работы Фрейда по технике психоанализа», анализируя Дору, Фрейд исходил из убеждения, будто «девушка создана для того, чтобы любить молодых людей»². Именно это не позволило ему разглядеть ту самую «гомосексуальную составляющую», о которой он лишь упоминает, и не позволило дать интерпретацию объектной привязанности к госпоже К.: «Гомосексуальное (гинекофилическое) любовное влечение к госпоже К. было самым сильным среди всех бессознательных влечений ее душевной жизни»³.

Таким образом, вопрос аналитического лечения сводится к вопросу о доле самого Фрейда в поддержании тех социальных конвенций, которые и формируют симптом

© Д.А. Ольшанский, 2008.

¹ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905) / Gesammelte Werke. Chronologische Geordnet. Fischer taschenbuch Verlag, 1999. V. S. 263.

² Lacan J. Le Séminaire, Livre I: Les écrits techniques de Freud (1953/54). P.: Seuil. 1975. P. 302-303.

³ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 264.

Доры, того «пути истинного», на который, по мнению отца, её должен наставить психоанализ. Случай Доры позволяет нам проследить динамику трёх тактов переноса, а также убедиться в том, что анализ истерии неотделим от социального анализа. «Любой фантазм является групповым», — говорит Феликс Гваттари.

В послесловии к книге Фрейд пишет, что невозможно обсуждать одновременно «технику анализа и внутреннюю структуру истерии»¹. Подобная связка между позицией аналитика, его долей в переносе и самим случаем оказывается для него невозможной именно потому, что Фрейд только подходит к пониманию симптома как результата присутствия другого и как социального феномена, возникающего в горизонте речущих других. Перенос и представляет собой не что иное как «затерянность в людях».

Перенос как аналитика присутствия

В работе «Массовая психология и анализ Я» (1921) Фрейд пишет, что в мире человека всегда присутствует другой, в качестве образца, объекта, помощника или противника, по подобию которого выстраивается собственное я субъекта². Однако случай Доры демонстрирует как раз обратное положение: субъект — это тот, кто присутствует в мире других, тот, чьё бытие задано не столько посредством воображаемого, сколько в горизонте говорящего бытия (*parole*), в сети толков, если использовать понятие Хайдеггера, той безличной речи, что создаёт поле субъекта³. Субъект — это то, что «говорят люди» (*das Man*), место сказывания речей. И именно с этим Дора и обращается к Фрейду, её запрос — это, фактически, речь отца, объясняющегося с господином К., отца, говорящего с Фрейдом, отца, артикулирующего бессознательное желание своей дочери — «она требует от меня, чтобы я прекратил общение с господином и особенно с госпожой К., которых она раньше прямо-таки почитала», наконец, молчание отца относительно своего желания, которое Дора разделяет⁴. Дора — это та, о ком говорят, её субъективность задана речами других, тогда как сама она сохраняет молчание. Не случайно в «Выступлении по переносу» (1951) Лакан сравнивает симптом с болезнью молчания, которую насылает на смертных Зевс⁵, того молчания, в которое уже внесена лепта наслаждения.

«Бессознательное, — отмечает Лакан, — это совокупность воздействий, оказываемых на субъекта речью — оказываемых на уровне, где субъект этот как раз эффектами означающего и формируется»⁶. Субъект — это форум, площадь переговоров, то общее место, через которое транслируются слова, силы, ценности, желания. Поскольку бытие — это всегда бытие-в-мире, то субъект является как результат этого присутствия-среди-других, того «присутствия, которое и есть я сам»⁷.

Симптом Доры — это разделённая социальность, её общество, система связей и конвенций, которым она следует, порядок обмена женщинами, который она поддерживает и которые поддерживают её в качестве объекта желания отца, ведь «всё, что ей

¹ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 257.

² Freud S. Masspsychologie und Ich-Analyse (1921) / Gesammelte Werke. Chronologische Geordnet. Fischer taschenbuch Verlag, 1999. XIII. S. 73.

³ Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer, 1963. S. 167.

⁴ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 183.

⁵ Lacan J. Intervention sur le transfert (1951) / Lacan J. Merits. P.: Seuil, 1966. P. 216.

⁶ Lacan J. Le Séminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse (1964). P.: Seuil, 1973. P. 141.

⁷ Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer, 1963. S. 53.

нужно, это чтобы отец занимался лишь ею одной, чтобы он дарил ей свою любовь»¹, — одним словом, всё то, что Фрейд называет «семейным кругом», тем кругом, который оказывается намного шире её самой. «Индивидуальный фантазм, — пишет Гваттари, — сам подключён к общественному полю, однако он схватывает *его* через воображаемые характеристики, которые наделяют его своеобразной трансцендентальностью и бессмертием, под прикрытием которых индивидуум, Эго, разыгрывает свою псевдосудьбу»².

Как продукт социальных конвенций, истерический симптом не только адресован другому, но и предполагает третьего, но не в качестве конкретного получателя или символической инстанции, а как анонимный фон говорящих людей, которые формируют истерическую структуру. Истерия строится не вокруг желания другого, а вокруг желания третьего. В Семинаре «Четыре основные понятия психоанализа» Лакан говорит: «Доре необходимо сохранить во что бы то ни стало связь с третьим элементом — элементом, свидетельствующим для неё о том, что желание её, в любом случае неудовлетворённое, так или иначе поддерживается — как желание отца, которому она, ввиду бессилия его, потакает, так и своё собственное, поскольку оно, будучи желанием Другого, осуществиться не может»³. Симптом всегда молчит, молчит во имя чего-то, и в случае истерии он молчит именно о том, о чём все говорят.

В конце пятой главы «Анны Карениной» княгиня Вронская даёт интерпретацию тому молчанию, в котором обездвиживается Андрей: «Я говорю лишь то, что говорят все». Истерия строится именно по отношению к этой обезличенной речи *das Man*, фигуре отсутствия; «говорят все» — это то, что стоит в основании фантазма Карениной и является причиной тревоги и объектом влечения Вронского (поскольку он-то этого сказать не может). Именно эти отношения с другими, «участие в кадрили», как выражается Лакан в Семинаре «Объектные отношения»⁴, кадрили между господами К., отцом и Дорой, циркуляции женщин, пересудов, представлений и желаний составляют тот симптом, с которым обращается Дора к Фрейду, симптом жалобщицы и променянной женщины, списывающей со своего счёта всю ответственность за то, что происходит в её окружении. Симптом, не только удерживающий на горизонте желание отца, но и обращенный к желанию Фрейда в форме постоянного «я о себе ничего не знаю» или «я так и знала, что Вы это скажете»⁵ — её истерический симптом адресован в том числе и аналитику, а потому неотделим от переноса. Коль скоро «невроз возникает вследствие социальных отношений»⁶, то и симптом нужно понимать не как причину переноса, а скорее как его следствие, результат «затерянности в людях».

Всё бессознательное социально и всё социальное бессознательно

Фрейд занимает позицию внутри этой социальности, поэтому ему легко удаётся интерпретировать молчание Доры, найти в нём зерно выгоды, обнаружить за этим молчанием желание, которое таким образом поддерживается. Именно этот вывод подвига-

¹ Lacan J. Le Séminaire, Livre V: Les formations de l'inconscient (1957/58). P.: Seuil, 1998. P. 370.

² Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe. P.: Minuit, 1972. P. 102.

³ Lacan J. Le Séminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. P. 47.

⁴ Lacan J. Le Séminaire, Livre IV: La relation d'objet (1956/57). P.: Seuil, 1998. P. 108.

⁵ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 220.

⁶ Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIV: L'insu que sait de l'une-bevue s'aile a mourre (1976/77). P.: Publication d'A.L.I., 2004. P. 131.

ет Дору «с позиции обвинения — к сообщничеству»¹, от жалоб на других — к разделению социального и ответственности за своё участие в нём, что и знаменует собой переход от первого такта анализа ко второму.

За три месяца анализа Дора ни разу не упоминает в своей речи мать (хотя Фрейд настоятельно пытается её отыскать и даже вбросить в рассказ пациентки), и делает она это вовсе не из запирательства или в силу того, что идентификация с матерью ещё не обнаружила себя, а именно потому, что мать сама ничего не говорит. А значит, и не существует. Если Дора и говорит с матерью, то лишь для того, чтобы «заручиться поддержкой отца»², желание которого попадает в фокус анализа во второй его фазе. Согласно этому желанию, желанию, поддерживаемому в неудовлетворённом модусе, объектом обожания Доры становится Мадонна, репрезентантом которой выступает госпожа К. По этой причине говорить о пресловутой «гомогенной составляющей» стоит со всей двусмысленностью, ведь госпожа К. является прекрасной дамой, сублимированным объектом «мечтательного восхищения»³ или, как говорит Лакан в «Обратной стороне психоанализа», «предметом теоретического созерцания»⁴, подводящего Дору к зияющему отсутствию скопического объекта; госпожа К. является доказательством того, что женщины существуют. Госпожа К. выступает лишь как представитель этого объекта, как сублимированная Вещь, коль скоро «в качестве сублимации выступает структурирующее обращение к отцовскому могуществу»⁵. То есть восхищение прекрасной Дамой является для Доры следствием работы её отцовской функции, сомнения в которой и конвертируются в её симптомы. Но женщины всё-таки существуют, и, следовательно, они могут иметь связи с мужчинами, — могла бы заключить Дора. Иными словами, сублимация является для Доры реконструкцией женского тела, то есть «восстановительной функцией, попыткой символического возмещения воображаемого ущерба, нанесённого фундаментальному образу материнского тела»⁶. Дора занята в большей мере символизацией женственности, нежели поиском прообраза или объекта влюблённости; существование госпожи К. интересует её больше в теории (поэтому текст рождает столько сомнений в реальном существовании Дульсины).

Таким образом, госпожа К. вообще не является целью сексуального «гинекофического» влечения, если в случае истерии вообще может существовать конкретная цель, ведь её желание остаётся для неё неизвестным. «Будучи истеричкой, — говорит Лакан, — она не знает, чего она требует, — она всего-навсего испытывает потребность в том, чтобы где-то там, по ту сторону, это желание было»⁷.

Дора собирает себя в качестве истерического субъекта, находясь в точке, подерживающей отцовское желание постольку, поскольку оно выступает в качестве фермента, скрепляющего связи внутри их «семейного круга». Как отмечает Жак-Ален Миллер, «именно порядок социальных связей обеспечивает то обстоятельство, что означающее удерживает смысл»⁸. Поэтому ей необходима та социальность, которая по

¹ Lacan J. Intervention sur le transfert. P. 217.

² Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 182.

³ Ibid. S. 244.

⁴ Lacan J. Le Séminaire, Livre XVII: L'Envers de la psychanalyse (1969/70). P.: Seuil. 1991. P. 110.

⁵ Lacan J. Le Séminaire, Livre VII: L'Éthique de la psychanalyse (1959/60). P.: Seuil, 1986. P. 216.

⁶ Ibid. P. 161.

⁷ Lacan J. Le Séminaire, Livre V: Les formations de l'inconscient. P. 369.

⁸ Miller J.-A. Vers Pipol 4. Lettre mensuelle. / Revue d'École de la Cause Freudienne. 2007. No 261 (sept-oct.) P. 28.

умолчанию поддерживала бы осмысленность её бытия, константность её желания и затерянность её наслаждения, и в которой она, вместе с тем, была бы признана в качестве объекта, поэтому для неё столь невыносимым оказывается разрыв между господами К.: «Как только она поняла, о чем идет речь, она ударила его по лицу и поспешила прочь. Я хотел знать, какие слова он использовал. Она помнила только его мотивы: "Вы же знаете, что я ничего не получаю от моей жены"»¹. Адресация мужского желания к госпоже К. принципиально необходима Доре, не потому, что она идентифицируется с объектом этого желания и подражает своему кумиру (Лакан полагает, что в роли воображаемого другого для неё выступает как раз господин К.), но является социальным идеалом женственности, тотемом, который поддерживает не просто идеальное я, но весь символический порядок. Поэтому слова господина К. в глазах Доры походят скорее на святотатство, чем на интимное признание.

Используя операторы алгебры Лакана, можно сказать, что для Доры немислим разрыв между маленьким *другим* и *Другим* большим, поскольку именно желание отца задаёт горизонт её собственного бытия, вместе с тем, «идентификация с немощным отцом оказывается источником её конверсионных симптомов», как пишет Эстела Солано². Ей необходимо сохранять зазор между наслаждением, которое она слышит в словах господина К., и желанием, которое и является специфической чертой социо-истерического симптома.

Если бред Шребера не задан социально, вся его жизнь посвящена «священной цели»³, хотя «его личность реконструировалась, и казалось, что он мог справиться с задачами жизни»⁴, личность эта не была спроектирована в социальных координатах, она не коррелирует с желанием других, поскольку ему явлен Другой наслаждающийся. По этой причине поддержание социальных связей интересует его мало, ведь он имеет более надёжную и устойчивую «лучезарную связь» с Господом; речь других не резонирует в его структуре, поскольку он слышит Реальные голоса. Ему много важнее божественные связи, представленные в теологическом, юридическом и этическом дискурсах, нежели социальные, рассеянные среди *das Man* которые могли бы замкнуться семейным кругом симптома, подобно браслету на руке Доры, который подарил ей отец вместо жемчуга. В отличие от рассыпанного жемчуга случайных психотических означающих, симптом всегда соотносится с другим желающим. Поэтому и вопрос об особом устройении говорящего бытия (*parletre*) при психозах Лакан предлагает решать с помощью понятия «синтом»⁵.

Равно и для Сергея Панкеева идентификация с персонажем книги Фрейда (в честь которого он берёт себе новое имя) оказывается более действенной, нежели связь с отцом и историческая память родного языка, не случайно поэтому именно латинская буква ложится в основание его наслаждения. Одной из наибольших странностей случая Человека-с-волками является отсутствие у него переноса на фигуру Фрейда, подчёркнуто функциональное пользование аналитика, что в свою очередь ставит вопрос о развитии симптома, который, похоже, вообще не ищет ни пределов желания другого, ни социального контекста в своём разворачивании.

¹ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 246.

² Solano-Suarez E. Le transfert et la dialectique symbolique dans le cas Dora / Sinthome. 1999. No. 1. P. 13.

³ Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia. (Dementia paranoides) (1911)/Gesammelte Werke. Chronologische Geordnet. Fischer taschenbuch Verlag, 1999. VIII. S. 245.

⁴ Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia. S. 248.

⁵ Lacan J. Le Séminaire, Livre XXIII: Le sinthome (1975/76). P.: Seuil, 2005. P. 47.

Симптом Доры же, напротив, задан в адресной форме, — одним из его получателей является сам Фрейд, — и немислим вне социального горизонта. Своим молчанием она поддерживает не столько желание отца или мужскую идентификацию с братом, отцом, господином К. или Фрейдом, сколько сами связи внутри «семейного круга», связи социальные, сексуальные, товарные. *Симптом Доры является единственным доступным ей средством поддержания социального порядка*, что оказало значительное влияние на развитие теории психоанализа и желание Фрейда мыслить бессознательное в горизонте сообщества. Именно истерический симптом, из работы с которым Фрейд получает свои выводы, впервые чертит дугу всей его метапсихологии: симптом — перенос — письмо.

Адреса-Отца

Письмо в случае Доры тоже играет двойную роль: оно устанавливает корреспондентную связь с образом прекрасной дамы (во сне она читает письмо матери, а в реальности получает письмо от госпожи К.), то есть исполняет тотемную функцию, отсылающую к отцовскому могуществу, а также письмо является формой участия Доры в социальной жизни, как выражается Фрейд, «средством общения с отсутствующими»¹, то есть с теми другими, которые и задают координаты её психического мира. Ведь именно письмо как отосланное и отстранённое обращение создаёт психическое время и пространство, то четвёртое измерение, которое необходимо для формирования субъекта. Письмо всегда адресовано другим, у него несколько адресатов.

То, о чём нельзя говорить — об этом можно написать, полагает Дора. Её симптом впервые заявляет о себе не в речи, а в письме: она пишет предсмертную записку, которая повергает отца в ужас и которая становится причиной его обращения к Фрейду. Она прячет письмо в столе, то есть буквально помещая внутрь неизреченное и несбывшееся. В сновидении также появляется шкатулка, полная драгоценностей. То есть проект Доры состоит в том, чтобы овнутрить бессознательное, которое всегда «находится не внутри, а снаружи»², и овнешнить в письме те социальные связи, которые управляют ею изнутри, или, говоря словами Хайдеггера «разомкнуть бытие в сторону речи».³ Именно эта разомкнутость речи и позволяет нам обнаружить перенос.

Фрейд определяет перенос как «слепую зависимость»⁴, почти такую же, какую испытывает Дора по отношению к Мадонне. Перенос представляет собой зависание, остановку бессознательного, «застой в диалектике», который указывает на специфическое образование, мимо которого субъект не может пройти просто так. Перенос представляет собой остановку на чём-то ценном, а значит, бессмысленном. По выражению Лакана, «перенос является средством, с помощью которого сообщение бессознательного прерывается, посредством которого бессознательное замыкается»⁵, выпячивая наслаждение, влекущее за собой тревогу и являющееся ориентиром для анализа переноса.

Именно тревога в случае Доры всякий раз остаётся без интерпретации: тревога отца, нашедшего письмо, «тревога во время пожара» в первом сновидении, тревога,

¹ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 195.

² Lacan J. Le Séminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. P. 147.

³ Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer, 1963. S. 168.

⁴ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 261.

⁵ Lacan J. Le Séminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. P. 146.

1

2

«когда во сне не можешь двигаться дальше», тревога за откровенность аналитика, наконец, собственная тревога Фрейда, которая тоже остаётся без внимания. Но стоящее за ней наслаждение становится общим между аналитиком и пациентом, Фрейд попадает в такую же «затерянность в людях», если выражаться словами Хайдеггера, в «слепую зависимость» от своего собственного истерического симптома.

В силу того, что Фрейд разделяет перенос Доры, «она впустила его в свой пейзаж». Как выражается героиня «Полевых исследований» Оксаны Забужко, аналитик сам оказывается действующим лицом внутри той картины, которая не покрывается его собственным взглядом. Фрейд замечал за собой «истерические наклонности», поэтому вполне естественно, что он сам оказывается захвачен его собственным «семейный кругом», который и устанавливает гермы его аналитической работы. И уж совсем неудивительно, что перенос самого Фрейда во многом повторяет перенос Доры.

Сам Фрейд занимает по отношению к Вильгельму Флиссу подобную истерическую позицию, с которой он имел дело в случае Доры. Он оказывается в кругу своего социального бессознательного, в речи других, распространяющейся, толкующейся и толчащейся, независимо от его собственного желания. Лакан склонен видеть неудачу анализа в неверной интерпретации объектной привязанности Доры, которая самому Фрейду кажется вполне успешной. Вероятно, причины такого положения дел могут быть найдены в симптоме самого аналитика.

Незадолго до начала работы с Дорой Фрейд увлекается исследованием бисексуальности, что Ференци объясняет травматическим разрывом с Флиссом, который до конца дней беспокоил Фрейда. Фрейд и сам признавался Ференци, что ему неприятны подозрения в гомосексуальной связи между ним и Вильгельмом Флиссом, поэтому он так часто апеллирует к гетеросексуальному желанию Флисса, то есть стремится обнаружить за его спиной женщину, которая могла бы выступить главным свидетелем и пролить свет на истинный характер отношений между мужчинами, желание той женщины, жены Флисса, которую звали Ида, по стечению обстоятельств точно так же, как и пациентку, известную нам под псевдонимом Дора. Должно быть, своим появлением в анализе Дора — Ида Бауэр — актуализировала весь комплекс гомосексуальных мыслей Фрейда, намекая на его собственную «кадриль» с господином Ф. Неудивительно поэтому, что Фрейд избегал давать интерпретации гомосексуальной позиции Доры и настаивал на её любви к господину К. Хотя Флисс и Дора не были знакомы, они актуализировали один и тот же комплекс мыслей Фрейда, — отмечает Патрик Махони: «Оба они должны были противостоять женским идентификациям Фрейда». И запрос отца Доры как нельзя лучше отвечает этому желанию Фрейда.

Не говоря уже о симптоме письма, который занимает ключевое место как в истории Доры, так и в жизни Фрейда. Несмотря на то, что его перу принадлежит самая большая в истории человечества переписка (он сочинял по 4-5 писем ежедневно на протяжении более полувека), Фрейда никогда не оставляло сомнение в надёжности письменной корреспонденции. В разговорах с принцессой Марией Бонапарт он часто задается вопросом о том, можно ли вообще доверять бумаге столь интимные вещи? Репрезентация симптома в письме, письме, доходящем сразу до нескольких адресатов, вероятно, была хорошо знако-

¹ Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse. S. 242.

² Ibid. S. 262.

³ Machony P. Freud's Dora: A Psychoanalytic, Historical, and Textual Study. New Haven (CT): Yale University Press, 1996. P. 52.

ма самому Фрейду, когда его частная переписка попала на открытый аукцион в 1936 году. Письмо в случае Фрейда имеет не меньшее терапевтическое значение, чем речь, поэтому нельзя не согласиться с определением психоанализа как *writing cure*¹.

То, о чём нельзя говорить — об этом можно написать. И в 1905 году Фрейд пишет книгу о том, что не было сказано в 1901 г. «Фрагмент анализа одного случая истерии» — это история несбывшегося, такого же несбывшегося, как самоубийство его пациентки. Поэтому исследование случая Доры может быть прочитано, как история симптома самого Фрейда, долю в который внесла не только переписка в Флиссом, но и анализ истерии.

Автор выражает благодарность Бернарву Вандермершу за помощь с литературой, Патрику Махони за переписку и ряд идей, Виктору Мазину за ценные замечания, а также участникам картеля «Перенос в аналитической клинике Лакана» (2007/08): Елене Кацовой, Антону Кузову и Ги Ле Гофэ за неоценимый вклад в написание статьи.

D.A. Olshansky

From Heidegger's Analysis to Freud's Psychoanalysis: *das Man* in the Structure of Hysteria

Dora's Case provided the first approach to phenomenon of transference in Freud's clinical practice. Although that analysis was not successful, it made Freud (1) to conceptualize transference as a fundamental mechanism of analytical techniques, (2) to find a symptom as a result of the relation to the other, i.e. social phenomenon and (3) to understand psychoanalysis as a social analysis.

¹ Machony P. Psychoanalysis: The Writing Cure. / One Hundred Years of Psychoanalysis. Ed. Haynal A., Felzeder E. Geneva: editions medicine et hygiene, 1994. P. 12.